

Герман Сергеевич Рагозин

Кандидат исторических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия. 163000, пр. Ломоносова, 2. E-mail: Gragozin92@gmail.com

Венгерские правители эпохи позднего Средневековья в «Австрийском Плутархе» Йозефа фон Хормайра: образы и их место в историческом дискурсе державы Габсбургов (1807–1812)

Статья посвящена ранним попыткам конструирования исторического дискурса в Австрийской империи, нашедшим выражение в создании нарративов, объединяющих все этнические общности империи. На примере образов венгерских монархов позднего Средневековья в «Австрийском Плутархе» Йозефа фон Хормайра показана роль Венгрии в исторической памяти империи начала XIX в. Программной целью сочинения было формирование общего представления о прошлом для всех владений Габсбургов. Цель достигалась тиражированием образов правителей, политиков, ученых и людей искусства. Помимо австрийских немцев, значительное внимание уделено выходцам из негерманских земель империи. С учетом политической ситуации Хормайр обратил особое внимание на Венгрию. Он представил эволюцию австрийско-венгерского соседства и обосновал легитимность включения «земель короны св. Стефана» во владения Австрийского дома. Сюжеты о позднем Средневековье подкрепляли этот тезис необходимостью борьбы с общими угрозами. Подчеркивалось, что так сохранилась каждая из общностей при угрозе внешнего вторжения. Автор «Австрийского Плутарха» обратился к образам Яноша Хуняди, Ладислава (Ласло) Постума, Матяша Корвина, Владислава (Уласло) II и Людовика (Лайоша) II для демонстрации роли Венгрии в европейской и австрийской истории. Особое внимание уделено борьбе с османами и оценке интеграции Венгрии в монархию Габсбургов как исторически и политически необходимого шага. Данный материал был востребован в контексте Наполеоновских войн и был нацелен на мобилизацию всех этнических групп империи.

Ключевые слова: Венгрия под властью Габсбургов, исторический дискурс, наднациональная идентичность, медиевализм, межнациональные отношения

Цитирование: *Рагозин Г. С.* Венгерские правители эпохи позднего Средневековья в «Австрийском Плутархе» Йозефа фон Хормайра: образы и их место в историческом дискурсе державы Габсбургов (1807–1812) // Центрально-европейские исследования. 2021. Вып. 4(13) / гл. ред. О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 13–33. DOI: 10.31168/2619-0877.2021.4.1.

Дискуссия о национальной или наднациональной идентичности и ее истоках остается актуальной для композитарных монархий. Проживание в них разнородных общностей ставит вопрос об их консолидации посредством создания идеологической опоры. В таких случаях поддержание лояльности всех этнических групп является крупной проблемой идентитарной политики и межнациональных отношений. Ситуация становится особенно острой в государствах с проживанием этнических групп, находящихся на разных этапах оформления культурной и политической составляющих национального сознания, то есть конструирования собственной этнокультурной идентичности и правового оформления ее политического суверенитета¹.

Монархия Габсбургов остается одним из примеров попытки строительства наднациональной самоидентификации для входящих в нее общностей. Модель таковой начала оформляться довольно поздно, с началом Французской революции в конце XVIII в., когда композитарная модель устройства переживала период структурного кризиса². Решения, которые предлагало Национальное собрание в Париже, вызывали однозначно негативную реакцию со стороны большинства европейских дворов. Создание новой государственной идеологии на первом этапе было тесно связано с противодействием революционным идеям и практикам³. Полицейские меры, такие как закрытие газет и разгром тайных обществ в Вене, Богемии (Чехии) и Венгрии, сменились оценкой новых идей и практик как «принесенных на штыках французской армии»⁴. Достаточно быстро официальная пресса перешла от критики новых представлений о государственности и самоидентификации к подготовке внутренней идеологической перестройки державы Габсбургов. Она началась уже с 1792 г., когда вместе с обличением революционной Франции на страницах газет и журналов в Вене вышла серия публикаций,

¹ Маринелли-Кёниг 2013: 67–80.

² Béranger 2014: 138; Rumpler 1997: 77–78.

³ Bachleitner 2017: 175–176.

⁴ Ingraio 1994: 234.

в которых «французская свобода» отождествлялась с «турецким рабством». Наиболее активно в этот процесс включились *Wiener Zeitschrift* («Венский журнал») и *Wiener Zeitung* («Венская газета»)⁵. Значительную роль в этом сыграли представления об иностранных вторжениях в прошлом, культивируемые Римско-католической церковью (прежде всего, вариации образа владений Австрийского дома, в особенности Венгрии, как бастиона, защищающего христианскую Европу против османов).

Интеллектуалы консервативного толка на рубеже XVIII–XIX вв. искали аргументы в пользу легитимности существующего политического порядка и подчинения разнородных общностей династии Габсбургов. Философский и политический компоненты консерватизма сформулировал Фридрих фон Генц (1764–1832). Он перевел на немецкий язык «Размышления о революции во Франции» Эдмунда Берка (1729–1797), тем самым дав толчок к становлению консервативной идеологии в Австрии⁶. Развивая идеи британского мыслителя, Генц обозначил революцию как «покушение на общественный договор и мораль», полагая корнем политического кризиса «злоупотребление свободой»⁷. Эту идею он развивал в трудах «О политической свободе и ее взаимодействии с властью» и «Размышления о морали в эпоху революции».

Продолжая свои рассуждения 1790-х годов, Генц стал критиком реформаторских идей в Пруссии, где он родился и вырос. В 1803 г. он переехал в Вену и поступил на службу к императору Францу II (I) (1792–1835 гг.). В качестве альтернативы идеям реформ Генриха Карла фон Штейна и Карла Августа фон Гарденберга 1807–1814 гг. Генц предложил иную модель политического развития. Его идея основывалась на верноподданническом и патерналистском подходе к отношениям между монархом, государством и обществом. Императорская власть изображалась «подобной власти отца над детьми».

⁵ Wiener Zeitschrift 1792. H. 6: 360–371; Briefe eines Franzosen, geschrieben im sechsten Jahr der Republik über die geheime Polizei in Wien, nebst Skizzen aus dem Leben einiger Hauptpersonen der geheimen Polizei. Straßburg: ohne dem Verlag, 1799. S. 378.

⁶ Burke E. Betrachtungen über die Französische Revolution / übers. von F. Gentz. Berlin: Bei Friedrich Vieweg dem Älteren, 1793. 2 Bde.

⁷ Gentz F., von. Über die Moralität in den Staatsrevolutionen. Цит. по: Ausgewählte Schriften von Friedrich von Gentz / Hrsg. von Dr. W. Weick. Stuttgart; Leipzig, 1837. S. 33–60.

Свою позицию он выразил при подготовке манифеста австрийского императора Франца I о начале войны с Францией в 1809 г.⁸

Социальную и конфессиональную доктрину австрийского консерватизма заложил второй выходец из Пруссии, Адам Мюллер фон Ниттердорф. Будучи наиболее жестким критиком прусских реформ, он представил свою программу с теологической окраской. Римско-католическая церковь и христианство виделись Мюллером как незыблемый элемент общественной жизни. Конкретный индивид предстал неотъемлемым от государства. Сословность и сословное представительство представлялись Мюллером основой политической стабильности. Государство и общество изображались «живым организмом, обладающим саморегуляцией»⁹. Под ней Мюллер подразумевал верность правящему монарху.

Значительную роль, помимо философской, политической и социальной доктрины консерватизма для империи, сыграло оформление общего исторического нарратива. На это был нацелен исторический нарратив, подготовленный Йозефом фон Хормайром (1781–1848), возглавившим в 1803 г. Архив династии, двора и государства (*Haus- und Staatsarchiv*)¹⁰.

Место Венгрии в державе Габсбургов определено оформлением агглютинативной, или «сложноподчиненной» империи (по Дж. Ф. Патручу): статус «земель короны св. Стефана» значительно отличался от «Наследственных земель» и «земель Чешской короны». Перед формальным созданием Австрийской империи в 1804 г. венгерская элита располагала опытом автономии, в отличие от чешских земель, централизованно управляемых из Вены¹¹. Неоднократно разночтения между венгерской элитой и двором в Вене приводили к восстаниям или угрозе их начала, но, несмотря на это, появление титула «император Австрийский» не вызвало протестов. В условиях противостояния с революционной Францией так была устранена

⁸ *Gentz F., von. Österreichisches Manifest vom Jahre 1809 // Schriften von Friedrich von Gentz: ein Denkmal / hrsg. von G. Schlesier. Mannheim: Verlag von Heinrich Hoff, 1838. Bd. 2. S. 334–366; Kronenbitter 999: 77–88.*

⁹ *Müller A., von. Die Elemente der Staatskunst. Berlin: G. Fischer, 1809. In 3 Bde.; Müller A., von. Inokulation der politischen Ungleichheit. Цит. по: Adam von Müllers gesammelte Schriften. München: G. Franz, 1839. Bd. 1. S. 390–391.*

¹⁰ В настоящее время это одно из подразделений Австрийского государственного архива (*Österreichisches Staatsarchiv*).

¹¹ Patrouch 2009: 91–98.

опасность войны на два направления и ряд других рисков¹². И создание общей исторической памяти в условиях утраты Габсбургами позиций в Германии представляло актуальным. Когда стало понятно, что кризис Священной Римской империи перешел в фазу ее распада, Франц II принял титул австрийского императора под именем Франца I, сохранив титулы в негерманских владениях, в том числе и в Венгрии. С этого началось создание нового подхода к идентитарной политике Габсбургов. В ее основу лег тезис о «семье народов» под властью Габсбургов, то есть приоритетом стали владения династии, а не руины Старого рейха (*Altes Reich*). При этом сложная система подчинения негерманских владений венскому двору сохранилась¹³. Средствами консолидации, помимо понятия о лояльности правящим Габсбургам, становились элементы исторической памяти, которые австрийские консерваторы начали собирать в единую систему¹⁴.

Автор очерков об истории Венгрии позднего Средневековья и периода установления владычества Габсбургов Йозеф фон Хормайр был выходцем из Тироля. Там же историограф получил юридическое образование в университете Инсбрука, после чего поступил на государственную службу в Вене. Формально будучи сотрудником Министерства иностранных дел, он стал руководителем архивного департамента, и к 1803 г. — главой Архива династии, двора и государства. Благодаря этому он располагал максимально широким для своего времени доступом к источникам для подготовки исследований. Изначально Хормайр готовил материал об истории Тироля и написал два крупных сочинения: «Критические и дипломатические очерки об истории Тироля в Средние века» и «Историю графства Тироль». Это были источниковедческие работы, которые затем стали частью пропаганды во время «войны немецкой национальной чести» 1809 г. и восстания Андреаса Хофера (1767–1810) в Тироле 1809–1810 гг., идеологом которого выступил историограф¹⁵. После Пресбургского мира 1805 г., когда Тироль был передан Баварии, Хормайр вел работу как историк и «оформитель» общей исторической памяти, подготовив двадцатитомный труд «Австрийский Плутарх», многотомную «Краткую историю отечества» и ряд других сочинений. Они

¹² Almási 2016: 225–249; Miskolczy 1959: 34–90.

¹³ Wilson 2006: 709–736.

¹⁴ Lindmayr-Brandl 2017: 38–61.

¹⁵ Mazohl, Mertelseder (Hrsg.) 2009; Рагозин 2020: 121–136.

стали основой для конструирования исторической памяти в империи Габсбургов и обосновывали соединение столь разных по характеру общностей под властью одной династии. В обоих случаях Венгрии уделялось значительное внимание: начиная от раннего соседства австрийских немцев и венгров в Средние века и заканчивая недавними событиями времен борьбы с революционной и наполеоновской Францией.

После поражения в войне 1809 г. и прихода к власти графа Клеменса Венцеля Лотара Меттерниха (1773–1859) идеи Хормайра были включены в консервативный и охранительный дискурс и даже пережили ученого как апологета империи Габсбургов и политики династии в отношении Венгрии. Спор о методах дальнейшей борьбы с Наполеоном привел к аресту Хормайра в 1813 г. по «делу Альпенбунда»¹⁶. После этого историк провел два года под стражей: сначала в крепости Мункач на востоке Венгрии, а затем в моравском Брюнне. Там же Хормайр отбыл двухгодичную ссылку, после чего разочаровался в австрийской политике, несмотря на статус «официального историографа», пожалованный ему императором. К этому времени историк обладал значительными связями в среде моравского дворянства благодаря работе по систематизации предметов искусства, принадлежавших местным аристократам¹⁷. С 1828 г. и до самой смерти он жил и работал в Баварии, где встал на позиции немецкого национального движения и был одним из активных критиков Габсбургов.

Творчество Хормайра нечасто служило объектом изучения в историографии, в то же время оно тенденциозно оценивалось как в Австрии и Германии, так и в государствах, образовавшихся на руинах империи Габсбургов. Изучение наследия историка началось лишь в 1860-е годы в связи с переосмыслением фактора Австрийских земель в Германии. На излете существования империи Габсбургов особое внимание уделялось участию историка в восстании Андреаса Хофера против Наполеона и баварской администрации в 1809 г. и конструировании памяти о нем¹⁸. Распад империи привел к очередной переоценке наследия историографа: межвоенное двадцатилетие

¹⁶ *Альпенбунд* (нем. *Alpenbund*) — движение сопротивления в Тироле в 1812–1813 гг. (война Шестой коалиции), инициированное эрцгерцогом Иоганном (1782–1859) и организованное Й. Хормайром.

¹⁷ Tomášek 2017: 78–135.

¹⁸ Hirn 1909.

отметилось новой критикой Хормайра за подлоги и мистификации в отношении источников¹⁹. В других странах — преемниках Австро-Венгрии его творчество находилось в тени, так как там фактически господствовали «антиавстрийский» и «антигерманский» дискурсы²⁰. Трактовка работ Хормайра в Третьем рейхе исходила из тезиса о них как о «мосте между австрийской и немецкой традициями»²¹. С образованием Второй республики наследие историка стало изучаться в контексте самостоятельности Австрии в немецкоязычном пространстве²². В негерманских государствах — преемниках Австро-Венгрии тенденция восприятия Хормайра начала меняться лишь после 1989 г.

В современных работах творчество Хормайра сравнивается с наследием Иштвана Хорвата (1784–1846), Йозефа Якошича (1738–1804), Франтишка Палацкого (1798–1876) и других историографов эпохи романтизма²³. Многие из них так или иначе опирались на произведения Хормайра или же критиковали его тезисы применительно к своим странам и населяющим их народам. В современной историографии наследие историка наименее изучено в части методологии мифотворчества и его политического применения. Исследователи истории австрийского консерватизма уделяют больше внимания Фридриху фон Генцу и Адаму Генриху Мюллеру (1779–1829), оставляя Йозефа фон Хормайра за рамками развития консервативной идеи, несмотря на его прямое на нее влияние²⁴.

Хормайр полагал передачу венгерской короны Габсбургам в 1526 г. династически и юридически легитимным актом, хотя и ставшим вызовом с правовой, политической и военной точек зрения. Для обоснования конечного результата Хормайр обратился к более раннему материалу, а именно истории Венгрии и австрийско-венгерских отношений позднего Средневековья. Отдельной рубрики «Венгерские правители» в сочинении не выделено, что контрастировало с разделом о Чехии. Чешским монархам, напротив, уделено значительное внимание, а посвященные им очерки обширны по объему. Это

¹⁹ Srbik 1925.

²⁰ Almási 2016: 225–249; Pražák 1994: 57–82; Tomášek 2017: 78–135.

²¹ Srbik 1935–1942.

²² Mayrhofer-Schmid 1949: 10–20.

²³ Almási 2016: 225–249.

²⁴ Gant 2003: 293; Godsey 2005: 63–95; Bachleitner 2017: 175–176; Landi 2005: 390.

не соответствует уровню автономии двух земель. Напротив, Венгрия и происходившие в ней события были, как правило, частью контекста, в котором развивалось австрийское государство. Хормайр представил это соседство в формате эволюции от контактов на пограничье Старого рейха до превращения Венгрии в «полноправную часть монархии Габсбургов». Монархи и регенты, занимавшие венгерский трон до 1526 г., распределены по разделам «Австрийские правители», «Чешские правители» и «Знаменитые австрийцы».

Отдельной сюжетной линией в «Плутархе» предстают отношения Австрии и Венгрии, а затем включение венгерских земель в состав монархии Габсбургов. Австрийско-венгерские связи эпохи Средневековья фигурируют практически в каждом очерке, посвященном правителям до 1526 г. Развитие этих отношений, начавшееся при маркграфях, а затем герцогах из династии Бабенбергов, предстает на страницах «Австрийского Плутарха» в динамике. Таким представителям династии, как Генрих II Язомирготт (1114–1177), ставилось в заслугу отражение венгерских набегов на Австрию²⁵. Иная картина венгерского вектора политики Бабенбергов предстает в очерке о Леопольде VI (1176–1230): его притязания на венгерский трон виделись «источником бедствий, подобно экспансии англичан во Франции»²⁶. Конфликты с Венгрией того времени, по мнению Хормайра, стали частью кризиса в Австрии, который достигнет пика после гибели герцога Фридриха II Воителя (1211–1246) и пресечения мужской линии Бабенбергов²⁷.

В очерках о первых Габсбургах венгерский контекст уступает первый план «врачеванию империи», борьбе Габсбургов с Люксембургами и «собираанию земель» юго-востока империи вокруг Австрии. Однако в очерке об Альбрехте II (1397–1439; как венгерский король Альберт I в 1437–1439 гг.) венгерский вопрос затронут как часть идеи объединения монархий Центральной и Восточной Европы для отпора османскому вторжению. Хормайр понимал этот процесс как «стремление к миру» в регионе. По мнению историографа, объединение против «ангелов смерти» — турок-османов — было

²⁵ *Hormayr J., von. Oesterreichischer Plutarch oder Leben und Bildnisse aller Regenten und der berühmtesten Feldherren, Staatsmänner, Gelehrten und Künstler des österreichischen Kaiserstaate. Wien: Doll, 1814. Bd. 19. S. 107–126.*

²⁶ *Ibid.* Bd. 20. S. 25.

²⁷ *Ibid.* S. 130.

необходимо для сохранения этнических и культурных общностей империи²⁸. Передача власти над Австрией, Чехией и Венгрией единственному сыну Альбрехта, Ладиславу Постуму (как венгерский король Ласло V в 1445–1457 гг.), воспринималась историком как необходимый и назревший шаг. Так, по мнению Хормайра, можно было завершить это объединение и помочь всем трем государствам отбросить турок из Европы. Все это коррелировало с идеей крестового похода, который возглавил польский и венгерский король Владислав III (1424–1444; как венгерский король Уласло I в 1440–1444 гг.) и который окончился сокрушительным поражением его войска при Варне.

Из числа венгерских правителей в «Австрийском Плутархе» фигурируют на правах отдельных очерков биографии Ладислава Постума, Яноша Хуняди (?–1456) и Владислава (Уласло) II Ягеллона (1456–1516). Этим образам уделено особое внимание, они предстают наиболее объемными. Несмотря на отсутствие отдельных глав, значительное место Хормайр уделит королям Матяшу Корвину (1458–1490 гг.) и Людвигу (Лайошу) II (1516–1526 гг.). Первый не удостоился отдельного очерка, но фигурировал целостным образом в повествованиях о его современниках, например о Фридрихе III (1415–1493) и Йиржи из Подебрад (1420–1471). О Людвиге повествовалось в отдельном параграфе в рамках очерка о его отце — Владиславе II. Таким образом, при помощи этого материала венгерская общность заняла свое место в исторической памяти Австрии как полноправный элемент строящейся империи в центре Европы. В арсенале средств, с помощью которых историк доказывал это, были даже современные нормы немецкой грамматики, где иностранные имена (в отличие от фамилий) писались по-немецки. Венгерские монархи в повествовании потеряли венгерский «колорит»: Матяш стал Маттиасом, Людвик/Лайош — Людовиком. Избежал этого лишь Владислав II. Так опосредованно показывалось лидерство немецкоязычной культуры в монархии Габсбургов, но в то же время иноземные правители становились «своими» и для немецких подданных.

Итогом пребывания Венгрии в одной империи с Габсбургами, по Хормайру, стал импульс к дальнейшему развитию и спасение от уничтожения под турецким господством. Историк представил

²⁸ *Hormayr J., von. Österreichischer Plutarch. Wien: Doll, 1807. Bd. 4. S. 34.*

контакты Австрии и Венгрии в различных форматах: военного противостояния, культурного взаимодействия, торговли, династических связей. Но главный упор он сделал на противостоянии общей внешней угрозе XV–XVII вв. — османской. Поэтому Венгрия представляла не только последним рубежом перед угрозой Австрии со стороны турок, но и союзником, а затем — потенциальной частью единого политического организма. В условиях мобилизации против Наполеона подобного рода сюжет оказался злободневным и находил отклик и в Австрии, и в Венгрии, работая на мобилизацию обеих частей империи. Это подтверждается теми клише, которые использовали сторонники монархии Габсбургов, например публицист Леопольд Алоиз Хофман (1760–1806), который первым среди венских публицистов отождествил в *Wiener Zeitschrift* «французскую свободу» с «турецким рабством».

Одним из излюбленных приемов Хормайра, которым он пользовался и в «Плутархе», и в статьях для венского *Vaterländische Blätter für den österreichischen Kaiserstaat* («Патриотический бюллетень Австрийской империи»), было сравнение австрийских правителей с венгерскими: например, первый Габсбург на престоле Священной Римской империи, положивший конец долгому междоусобицу, Рудольф I (1273–1291 гг.), сопоставлялся с «врачевателем государства» Матяшем Корвином²⁹.

Первым из печати вышел очерк о Яноше Хуняди (у Хормайра — *Johann Hunyady Corvin*). Конструируя его образ, ученый писал: «У многих свершения скромнее, чем их слава, слава Хуняди оказалась скромнее его свершений», имея в виду организацию обороны против «ангелов смерти» — османов и нового «переселения народов»³⁰. По происхождению и подъему на вершину общества Хуняди сравнивался с Оливером Кромвелем (1599–1658). Генеалогически Хормайр возводил родословную регента к валашскому боярству, а именно к Иону Вайку, чьи потомки ассимилировались в венгерской среде, а их прозвище *Corvinus* стало фамилией. Становление полководца изображалось в контексте нестабильности в Восточной Европе XV столетия: его признаками для автора были падение могущества Тевтонского ордена под ударами поляков и литовцев, а также рост

²⁹ *Hormayr J., von. Österreichischer Plutarch. Bd. 1. S. 40.*

³⁰ *Ibid. Bd. 2. S. 79–80.*

военного давления османов с юга. При этом походы в Боснию изображались Хормайром как важнейший опыт в становлении Хуняди как военачальника³¹. Отношения регента и церкви представлены в очерке через призму сотрудничества против исламской угрозы и вопреки интересам магнатских группировок.

Полководец и регент описан как инициатор объединения против османов в Центральной Европе, «защитник веры» и «победитель и спаситель страны, который не видел себя на ее троне»³². В этом, по мнению Хормайра, Хуняди похож на своего современника — Георгия Скандерберга (1405–1468), борца за независимость Албании от турецкого господства. Контрастом им предстают противники-османы: «варвары», «дикие кочевники с впечатляющей регулярной армией в лице янычар», как их обозначил автор «Плутарха»³³. Военные успехи регента сделали королевство авторитетным участником европейской политики, а Хормайр на примере Хуняди представил Венгрию как защитницу Европы. Эту роль, по мнению историка, Янош Хуняди осознавал и принимал полностью, а борьбу за трон лично для себя полагал неуместной. Чтобы не пустить конкурента, Ульрика Цилли (1406–1456), на трон в Буде, полководец стремился провести коронацию Ладислава Постума как можно скорее. Таким образом, Хормайр обосновывал необходимость занятия Габсбургами и венгерского престола как возможность преодоления магнатских распри и поддержания государства в адекватном состоянии.

«Смута» в Венгрии после смерти Альберта I, османская угроза и малолетство Ласло V привели к тому, что военачальник стал фактическим главой венгерского государства, но не занимая трон. Период 1441–1443 гг. глазами Хормайра предстает «золотым веком» Яноша Хуняди. Это историк связал с успешным отражением турецких набегов на Трансильванию и заключением значимых в военном отношении союзов. Последним аргументом стало получение регентом выкупных платежей от османов за захваченных в плен их военачальников³⁴. Турки воспринимали Яноша как «злейшего противника» наравне с Владом III Цепешем (1431–1476) в Валахии и Стефаном III (1429–1504) в Молдове, что Хормайр также считал доказательством

³¹ Ibid. Bd. 2. S. 87.

³² Ibid. S. 81.

³³ Ibid. S. 89–92.

³⁴ Ibid. Bd. 2. S. 100–101.

статуса Хуняди как «защитника веры». По его мнению, полководец «не видел иной возможности, как победить Мурада во имя веры»³⁵. Раскрывая его характер, историк приписал ему девиз «Горы не сдаются!», который Хормайр изначально проецировал на свою историческую родину — Тироль. Тем самым он полагал схожим характер тирольских повстанцев, воевавших с Баварией и Францией, и сопротивлявшихся османам венгров во главе с выходцем из Трансильвании Яношем Хуняди. Таким образом, австрийцы и венгры, по мнению историка, имели все шансы ужиться в одной империи в силу близости характеров.

Не обошел Хормайр вниманием и отношения регента и малолетнего короля Ладислава Постума. В повествовании регент изображен «вторым отцом» несовершеннолетнего монарха³⁶. Полководец, по мнению историка, охранял Ладислава от нападок других претендентов, например Ягеллонов, а также от претензий магнатов. Все это контрастировало с тем, что Хуняди вступил в конкуренцию с императором Фридрихом III, родственником Ладислава. Фактически, с точки зрения Хормайра, вопрос о том, кто имеет право на объединение государств Центральной и Восточной Европы, не возникал, но споры и конфликты, в понимании историка, отвлекали силы от борьбы с общим противником — турками. При этом Янош Хуняди, считал Хормайр, привлек на свою сторону не только католиков-венгров, но и православных валахов, молдаван, сербов и боснийцев, ставя во главе угла вопрос защиты веры от мусульман, а не политические предпочтения аристократии и правящих родов. Все это успешно вписывалось в консервативную пропаганду в Австрийской империи времен борьбы с Наполеоном, когда этнические и аристократические преференции отходили на второй план. Образ врага формировался, в первую очередь, на религиозном факторе, близком и австрийским немцам, и венграм, который Хормайр развивал изначально на тирольском материале, а затем спроецировал на остальные владения Габсбургов, включая Венгрию.

Первый Габсбург на венгерском и чешском троне Ладислав Постум несмотря на короткое правление, удостоился отдельного очерка в «Австрийском Плутархе». Он включен в рубрику «Австрийские

³⁵ *Hormayr J., von. Österreichischer Plutarch. Bd. 2. S. 106.*

³⁶ *Ibid. S. 149.*

правители», так как представлял Альбертинскую ветвь Габсбургов и занимал эрцгерцогский трон. Значимое место в труде он получил именно в связи с попыткой объединения Австрии, Чехии и Венгрии в одну монархию для противодействия давлению османов. В этом контексте образ малолетнего короля строился на жертвенном мифе. Он оказался неспособен противостоять значительному числу конкурентов: Фридриху III, Ульрику Цилли, а также Йиржи из Подебрад и гуситам. Такое «окружение» дало повод Хормайру критиковать их всех за приоритет личных политических интересов над общим делом борьбы с османской угрозой³⁷. С учетом того, что это был Габсбург на венгерском троне, его образ использовался как обоснование того, что именно эта династия и должна встать во главе объединенного государственного образования, которому суждено стать «последним щитом Европы перед османами»³⁸. Габсбурги, по мнению Хормайра, стояли над интересами магнатских группировок в Чехии и Венгрии и были способны объединить всех на общее дело. Эпитет *die Waume der Welt* (стена мира) в отношении короля в первую очередь обращался к его интеллектуальному и политическому потенциалу, который так и остался нераскрытым. Вину в смерти Ладислава историк возложил на чешского короля Йиржи из Подебрад, подозревая последнего в организации отравления. Таким образом, Хормайр особенно активно критиковал «короля-гусита» за противодействие идее объединения, хотя это же обвинение часто звучало в адрес венгерских правителей XV — начала XVI в.

Матяшу I Корвину, как уже упоминалось выше, не посвящено отдельного очерка в «Австрийском Плутархе», в отличие от отца и последних королей из династии Ягеллонов, правивших до воцарения Габсбургов. Однако частота его упоминаний и характеристик в главах о его современниках и преемниках на венгерском троне позволяет говорить о наличии целостного образа этого монарха и конкурента Габсбургов за лидерство в регионе и в борьбе с османами. Повествование о «последнем великом короле» Венгрии присутствует в очерках о Яноше Хуняди, Йиржи из Подебрад, Фридрихе III и Владиславе II. Подобно отцу, Матяш представлен «человеком из низового дворянства, добившимся авторитета и власти благодаря способностям

³⁷ Ibid. Bd. 4. S. 24.

³⁸ Ibid. S. 41–58.

и духу времени»³⁹. В то же время усиление центробежной тенденции и вытеснение идеи объединения на второй план на фоне укрепления отдельных государств перед лицом турецкой угрозы было раскрытировано Хормайром. Историк отметил это как предпосылку катастрофы 1526 г., хотя Матяш, по его мнению, делал все возможное и для развития королевства, и для укрепления его обороноспособности⁴⁰.

Хормайр считал, что король мог бы стать лидером всей Центральной Европы в борьбе против османов в силу природных способностей и грамотного идеологического обоснования своей политики. В то же время Матяш I был серьезным конкурентом и для Йиржи из Подебрад, и для Фридриха III. Несмотря на провал объединения всех земель под властью одного монарха, Корвину в заслугу поставлено отражение османских набегов. Хормайр тиражировал миф о справедливом отношении короля к крестьянству, ставшему заложником магнатских интересов уже при Владиславе II⁴¹. Таким образом, создавалась апологетика сильной монархической власти и патернализма в условиях внешней угрозы, а также необходимость монарха быть готовым взять командование войсками в свои руки, что играло на руку сторонникам реванша против Наполеона, например эрцгерцогам Карлу и Иоганну. Это проецировалось и на австрийского императора Франца I, и на его политический курс.

Образы последних королей Венгрии до формального перехода короны Габсбургам, Владислава II и Людовика II, контрастируют с описанием Корвинов. Основным является очерк, посвященный Владиславу, Людовик включен в повествование в отдельном параграфе. Оба Ягеллона по итогам правления в Чехии и Венгрии охарактеризованы негативно как неспособные остановить центробежные тенденции со стороны магнатов и «чуждые» своим венгерским подданным. Окончательный провал объединения монархий Центральной и Восточной Европы ставится обоим в вину. Людовик представлен Хормайром как способный, но малоопытный политик, зависимый от магнатов. Владислав II целенаправленно угождал знати в противовес государственным интересам. Более того, Хормайр акцентировал внимание на неприязни к «поляку» на венгерском и чешском троне со стороны основной

³⁹ *Hormayr J., von.* Oesterreichischer Plutarch. Wien: Doll, 1807. Bd. 1. S. 152.

⁴⁰ *Ibid.* Wien: Doll, 1812. Bd. 18: 171.

⁴¹ *Ibid.* S. 94.

массы населения и даже аристократии⁴². Он осудил знать Венгрии, поставившую свои интересы и привилегии выше нужд народа, за «предательство» своих правителей и подданных. Ошибки и политическая слабость обоих монархов привели к венгерской катастрофе 1526 г., последствия которой, по мнению Хормайра, исправили лишь Габсбурги и принц Евгений Савойский (1663–1736) в конце XVII в.

«Своего Велизария⁴³, — писал Хормайр, — на тот момент не состоялось», то есть не было, по мнению историка, способных военачальников, политиков и идеологов, кто мог бы перехватить инициативу так, как это сделали Корвины⁴⁴. Объединение после этого перестало быть идеей универсалистской монархии, а основывалось лишь на необходимости выживания и австрийских немцев, и их ближайших негерманских соседей: чехов, венгров и иных христианских народов. Совместное имперское строительство, как полагал Хормайр, должно было восприниматься не как подавление сословных вольностей и привилегий, но как шанс на сохранение всех имперских народов и их дальнейшее развитие.

Правители Венгрии эпохи позднего Средневековья детально рассмотрены в «Австрийском Плутархе» Йозефа фон Хормайра, что обеспечило венграм не только роль в формировании исторического дискурса империи, но и легитимацию пребывания в составе одного государства столь разнородных общностей. Новый нарратив создавался в сложных условиях: венгерская аристократия опасалась повторения событий времен Иосифа II (1765/1780–1790 гг.). Эти события воспринимались ими как покушение на привилегии, ответственность и культурную идентичность, а политика в отношении своей страны — как «германизация». Потому очерки Хормайра и их публикация представляли злободневными и должны были содействовать восприятию венгров как «соотечественников» под властью одного монарха в немецкоязычной среде.

Создание общего исторического дискурса в условиях внешней угрозы задавало приоритет коллективных представлений о совместной борьбе с «противниками веры», поэтому борьба с Турцией вышла на первый план во всех очерках и образах, опубликованных в «Австрийском Плутархе». Внимание к Венгрии этого времени представляется

⁴² Ibid. S. 110–199.

⁴³ Флавий Велизарий (?–565) — выдающийся византийский полководец.

⁴⁴ Ibid. S. 225.

обоснованным. Создавался образ страны — «последнего рубежа обороны» против османов, хотя и не всегда выступавшей в союзе с австрийскими Габсбургами. Хормайр полагал закономерным, что Венгрия стала частью большой центральноевропейской империи под эгидой Габсбургов, поскольку отражение общих угроз возможно только совместными усилиями. Короткое пребывание на венгерском троне Ладислава Постума создало юридические предпосылки к будущему включению Венгрии в состав владений Австрийского дома и даже на некоторое время прекратило споры магнатов за трон.

Династический легитимизм Хормайра подкреплялся критикой Матяша Корвина за противостояние с Габсбургами. В то же время Матяш воспринимался историком как последний венгерский монарх — фактический лидер своей страны, как идеальный правитель в условиях постоянной внешней угрозы, «человек, пришедший вовремя». С подачи Хормайра в исторический дискурс о Венгрии попал миф о Матяше Корвине как справедливом монархе. Мобилизация общества представляла необходимой и логичной, и Матяш таким образом получил в целом позитивные оценки в «Австрийском Плутархе».

Владислава II и Людовика II Ягеллонов Хормайр критиковал, как и венгерскую аристократию, за «предательство» собственного народа. Таким образом обосновывался приход к власти Габсбургов как необходимый для выживания венгров в условиях угрозы утраты идентичности, династии, принявшей то бремя, которое несли в прошлом наиболее яркие короли. Очерки о борьбе с османами падали на подготовленную почву времен Наполеоновских войн, мобилизуя население против внешнего врага. Хормайр подчеркнул, что проживание в одной империи было выгодно для венгров, хотя периодически венский двор и венгерская аристократия спорили об устройстве страны и объеме политической власти.

Исторический дискурс в Австрийской империи начала XIX в. претерпел значительные изменения за период 1807–1812 гг. После ухода на второй план вопроса о лидерстве Габсбургов в германских землях произошло смещение акцента на владения австрийского дома, в том числе негерманские. Все это в полной мере относилось и к венгерским владениям династии. Включение в исторический дискурс не только членов Австрийского дома, но и правителей Венгрии позднего Средневековья позволило закрыть некоторые лакуны в коллективном представлении о прошлом. Помимо этого, преодолевались

сложности в отношениях Габсбургов с Венгерским королевством, вызванные не согласованными с сословиями реформами Иосифа II. Это позволило обосновать легитимность пребывания Габсбургов на венгерском престоле, подкрепить мобилизацию подданных против Наполеона⁴⁵ и создать образ «сопричастности» в рамках имперского исторического дискурса как явления с вековыми основаниями. Все эти воззрения оказали влияние на официальный габсбургский миф, а затем и на историков-романтиков, связанных с венгерским национальным движением.

Список исторических географических названий

Брюнн — ныне Брно в Чешской Республике

Мункач — ныне Мукачево на Украине

Пресбург — ныне Братислава в Словакии

Литература

- Маринелли-Кёниг 2013 — *Маринелли-Кёниг Г.* Франц К. Иоганн Рихтер (1783–1856) (реконструкция творческого наследия) // Славянский альманах. 2013. М.: Индрик, 2014. С. 67–80.
- Рагозин 2020 — *Рагозин Г. С.* Между историей и политикой: Йозеф фон Хормайр — идеолог и участник Тирольского восстания 1809–1810 гг. // Французский ежегодник. 2020. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2020. С. 121–136.
- Шоош 2014 — *Шоош И.* Участие Венгерского королевства в Наполеоновских войнах // Российская империя и монархия Габсбургов в Наполеоновских войнах: Взгляд из Венгрии / редкол.: О. В. Хаванова, Л. К. Кокунина, А. Шереш. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 123–142.
- Almási 2016 — *Almási G.* Faking the national spirit: Spirituous historical documents in the service of the Hungarian national movement in the early nineteenth century // *The Hungarian Historical Review*. 2016. Vol. 5. № 2. P. 225–249.
- Bachleitner 2017 — *Bachleitner N.* Die literarische Zensur in Österreich von 1751 bis 1848. Wien: Böhlau, 2017. 528 S.
- Bérenger 2014 — *Bérenger J.* The Habsburg Empire, 1700–1918. New York; London: Routledge, 2014. 352 p.
- Gant 2003 — *Gant B.* Joseph Freiherr von Hormayr zu Hortenburg. Eine (politische) Biographie. Dokt. diss. Innsbruck, 2003. 313 S. (рукопись).

⁴⁵ Ср.: Шоош 2014.

- Godsey Jr. 2005 — *Godsey W.D., Jr.* La societe etait au fonde legitimiste: Emigres, Aristocracy and the Court at Vienna, 1789–1848 // *European History Quarterly*. Vol. 35. № 1. P. 63–95.
- Hirn 1809 — *Hirn J.* Tirols Erhebung im Jahre 1809. Innsbruck: Schwick, 1909. 874 S.
- Ingrao 1994 — *Ingrao C.* The Habsburg Monarchy, 1618–1815. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 276 p.
- Kronebitter 1999 — *Kronebitter G.* Friedrich von Gentz und Metternich // *Konservatismus in Österreich: Strömungen, Ideen, Personen und Vereinigungen von den Anfängen bis heute* / hrsg. von R. Rill, U. Zellenberg. Graz–Stuttgart: Stockler, 1999. S. 71–88.
- Landi 2005 — *Landi W.* Joseph von Hormayr zu Hortenburg (1781–1848). Romantische Historiographie im Zeitalter der Restauration zwischen patriotischer Loyalität und liberalen Unruhen // *Eliten in Tirol zwischen Ancien Regime und Vormärz. Akten der internationalen Tagung vom 15. Bis 18. Oktober 2008 an der Freien Universität Bozen* / hrsg. von M. Bellabarba, E. Forster, H. Heiss, A. Leonardi, B. Mazohl. Bozen: Studienverlag GmbH, 2008. S. 385–406.
- Lindmayr-Brandl 2017 — *Lindmayr-Brandl A.* Vom Patriotischen Volkslied zur Nationalen Kaiserhymne. Formen der Repräsentation in Gott, erhalte Franz den Kaiser // *Die Representation der Haabsburg-Lothringischen Dynastie in Musik, visuellen Medien und Architektur, 1618–1918* / hrsg. von W. Telesko. Wien: Böhlau, 2017. S. 38–61.
- Mayrhofer-Schmid 1949 — *Mayrhofer-Schmid A.* Hormayr und die Romantik. Dokt. diss. Wien, 1949. 448 S. (рукопись).
- Mazohl, Mertelseder (Hrsg.) 2009 — *Abschied vom Freiheitskampf? Tirol und “1809” zwischen politischer Realität und Verklärung* / hrsg. von B. Mazohl, B. Mertelseder. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner, 2009. 524 S.
- Miskolczy 1959 — *Miskolczy J.* Ungarn in der Habsburger-Monarchie. Wien; München: Herold, 1959. 210 S.
- Patrouch 2009 — *Patrouch J.F.* The Making of Five Images of the Habsburg Monarchy: before the Nation there was Agglutination // *Austrian History Yearbook*. 2009. № 40. P. 91–98.
- Pražák 1994 — *Pražák R.* Die kulturell aufklärende Tätigkeit der madjarischen reformierten Intelligenz in der Zeit der tschechischen nationalen Wiedergeburt // *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity*. 1964. Vol. 13. № C11. P. 127–146.
- Rumpler (Hrsg.) 1997 — *Österreichische Geschichte 1804–1914: eine Chance für Mitteleuropa. Bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie* / hrsg. von H. Rumpler. Wien: Ueberreuter, 1997. 672 S.
- Srbik 1925 — *Srbik H., von.* Metternich. Der Staatsmann und der Mensch. München: Bruckmann, 1925. Bd. 1. 785 S.; Bd. 2. 643 S.

- Srbik 1935–1942 — *Srbik H., von.* Deutsche Einheit. Idee und Wirklichkeit vom Heiligen Reich bis Königgrätz. München: Bruckmann, 1935. Bd. 1. 456 S.; Bd. 2. 424 S.; München: Bruckmann, 1942. Bd. 3. Idee und Wirklichkeit von Villafranca bis Königgrätz. T. 1. 497 S.; Bd. 4. Idee und Wirklichkeit von Villafranca bis Königgrätz. T. 2. 498 S.
- Tomášek 2017 — *Tomášek P.* Aristokracie vkusu: Umělecký mecenát a sběratelství knížat ze Salm-Reifferscheidtů v 19. Století. Dokt. dis. Brno, 2017. 340 s. (рукопись).
- Wilson 2006 — *Wilson P.H.* Bolstering the Prestige of Habsburgs: the end of the Holy Roman Empire in 1806 // *The international History Review.* 2006. Vol. 28. № 4. P. 709–736.

References

- Almási, G., 2016. Faking the national spirit: Spirituous historical documents in the service of the Hungarian national movement in the early nineteenth century. *The Hungarian Historical Review*, 5, 2, pp. 225–249.
- Bachleitner, N., 2017. *Die literarische Zensur in Österreich von 1751 bis 1848.* Wien: Böhlau, 528 p.
- Bérenger, J., 2014. *The Habsburg Empire, 1700–1918.* New York; London: Routledge, 352 p.
- Gant, B., 2003. *Joseph Freiherr von Hormayr zu Hortenburg. Eine (politische) Biographie.* Dr. Sc. thesis. Innsbruck, 2003. 313 S. (manuscript).
- Godsey, W.D., Jr. 2005. La societe etait au fonde legitimiste: Emigres, Aristocracy and the Court at Vienna, 1789–1848. *European History Quarterly*, 35, 1, pp. 63–95.
- Hirn, J., 1909. *Tirols Erhebung im Jahre 1809.* Innsbruck: Schwick, 874 p.
- Ingrao, Ch., 1994. *The Habsburg Monarchy, 1618–1815.* Cambridge: Cambridge University Press, 276 p.
- Kronebitter, G., 1999. Friedrich von Gentz und Metternich. In: Rill, R., Zellenberg, U., eds. *Konservatismus in Österreich: Strömungen, Ideen, Personen und Vereinigungen von den Anfängen bis heute.* Graz-Stuttgart: Stockler, pp. 71–88.
- Landi, W., 2008. Joseph von Hormayr zu Hortenburg (1781–1848). Romantische Historiographie im Zeitalter der Restauration zwischen patriotischer Loyalität und liberalen Unruhen. In: Bellabarba, M., Forster, E., Heiss, H., Leonardi, A., Mazohl, B., eds. *Eliten in Tirol zwischen Ancien Regime und Vormärz. Akten der internationalen Tagung vom 15. Bis 18. Oktober 2008 an der Freien Universität Bozen.* Bozen: Studienverlag GmbH, pp. 38–406.
- Lindmayr-Brandl, A., 2017. Vom Patriotischen Volkslied zur Nationalen Kaiserhymne. Formen der Repräsentation in Gott, erhalte Franz den Kaiser. In: Telesko, W., ed. *Die Repräsentation der Haubsburg-Lothringischen Dynastie in Musik, visuellen Medien und Architektur, 1618–1918.* Wien: Böhlau, pp. 38–61.

- Marinelli-König, G., 2014. Franc K. Iogann Richter (1783–1856) (rekonstruktsiya trorcheskogo naslediya) [Franz K. Johann Richter (1783–1856) (reconstruction of the heritage)]. *Slavic Almanac 2013*. Moscow: Indrik, pp. 67–80. (in Rus.)
- Mayrhofer-Schmid, A., 1949. *Hormayr und die Romantik*. Dr. Sc. thesis. Wien, 1949. (manuscript).
- Mazohl, B., Mertelseder, B., eds. *Abschied vom Freiheitskampf? Tirol und “1809” zwischen politischer Realität und Verklärung*. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner, 524 p.
- Miskolczy, J., 1959. *Ungarn in der Habsburger-Monarchie*. Wien; München: Herold, 210 p.
- Patrouch, J. F., 2009. The making of five Images of the Habsburg Monarchy: before the nation there was agglutination. *Austrian History Yearbook*, 40, pp. 91–98.
- Pražák, R., 1964. Die kulturell aufklärende Tätigkeit der madjarischen reformierten Intelligenz in der Zeit der tschechischen nationalen Wiedergeburt. *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské university*, 13, 11, pp. 127–146.
- Ragozin, G. S., 2020. Mezhdú istorijej i politikoj: Joseph von Hormayr — ideolog i uchastnik Tirolskogo vosstaniya 1809–1810 [Between history and politics: Joseph von Hormayr — ideologist and participant of the Tyrolean uprising, 1809–1810]. In: *Frantsuzskii ezhegodnik 2020*. Moscow: Institut Vseobshchei Istorii RAN, pp. 121–136. (in Rus.)
- Rumpler, H., ed., 1997. *Österreichische Geschichte 1804–1914: eine Chance für Mitteleuropa. Bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie*. Wien: Ueberreuter, 672 p.
- Soós, I., 2014. Uchastie Vengerskogo korolevstva v Napoleonovskikh voynakh [Participation of the Kingdom of Hungary in the Napoleonic Wars]. In: Khavanova, O. V., Kokunina, L. K., Seres, A., eds. *Rossiiskaia imperiia i monarkhiia Gabsburgov v Napoleonovskikh voynakh: Vzglád iz Vengrii* [The Russian Empire and the Habsburg Monarchy in the Napoleonic Wars: a look from Hungary]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 123–142. (in Rus.)
- Srbik, H., von., 1925. *Metternich. Der Staatsmann und der Mensch*, 1–2. München: Bruckmann, 1428 p.
- Srbik, H., von., 1935–1942. *Deutsche Einheit. Idee und Wirklichkeit vom Heiligen Reich bis Königgrätz*, 1–4. München: Bruckmann, 1875 p.
- Tomášek, P., 2017. *Aristokracie vkusu: Umělecký mecenát a sběratelství knížat ze Salm-Reifferscheidtů v 19. Století*. Dr. Sc. thesis. Brno, 340 p. (manuscript).
- Wilson, P. H., 2006. Bolstering the prestige of Habsburgs: the end of the Holy Roman Empire in 1806. *The International History Review*, 28, 4, pp. 709–736.

German S. Ragozin

PhD, Associate Professor, Department of General History, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia. 163000, Prospekt Lomonosova, 2.
E-mail: Gragozin92@gmail.com

Hungarian Late Medieval Sovereigns in the “Austrian Plutarch” by Joseph von Hormayr: Images and their Role in the Historical Discourse of the Habsburg Monarchy (1807–1812)

This paper deals with the early attempts of historical discourse construction in the Habsburg Monarchy. They have found an embodiment in creation of narratives aimed to consolidate the peoples of various legal status and identity development level. The author of this article attempts to reveal the images of late medieval Hungarian monarchs in the Habsburg historical discourse of the early nineteenth century. The material chosen for this analysis was the twenty-volume *Austrian Plutarch* by Joseph von Hormayr. The work was intended to be a history of all Habsburg possessions. To achieve this, Hormayr chronicled those he considered to be the most significant historical characters of the empire: monarchs, ministers, warlords, scientists, and artists. Besides Habsburg sovereigns and Austrian German celebrities, representatives of the non-Germanic peoples of the Empire received significant attention as well. Hormayr had a special view of Hungary; the political situation in Europe and the Empire caused the whole identity policy and relations between the Crown and Hungarian estates to be reviewed. Hormayr did not produce a separate chapter for Hungarian monarchs, but he presented the Austro-Hungarian neighbourhood as dynamic and justified the inclusion of Hungary in the Habsburg Monarchy. Narratives devoted to the late Middle Ages in the *Austrian Plutarch* were written to prove this thesis. Furthermore, Hormayr used the general threat image to justify the unification of Austria and Hungary into single empire. According to Hormayr, it was intended to protect each ethnic community and identity from the “Turkish threat” on the European stage. Hormayr used the images of János Hunyadi, Ladislaus Posthumus, Matthias Corvinus, Vladislav II, and Louis II to demonstrate the role of Hungary in repelling the Ottoman threat and to justify the integration of Austria and Hungary as a sensible political and historical decision. The material was at the top of the agenda during the Napoleonic wars and was used to mobilize all the ethnic groups living in the empire against the French threat.

Keywords: Hungary under the Habsburg rule, historical discourse, supranational identity, medievalism, cross-ethnic relations

How to cite: Ragozin, G. S., 2021. Hungarian late medieval sovereigns in the “Austrian Plutarch” by Joseph von Hormayr: images and their role in the historical discourse of the Habsburg Empire (1807–1812). *Tsentral’noevropeiskie issledovania*, 2021, 4(13), pp. 13–33. doi: 10.31168/2619-0877.2021.4.1.